

ЗИНАИДА ГИППИУС

СВЕТЛОЕ
ОЗЕРО

Зинаида Николаевна Гиппиус

Светлое озеро

Аннотация

«Сидели сегодня вечером на балконе, у нас на даче, и мирно разговаривали о предстоящем путешествии «в страну раскольников». Молодой профессор В., отчасти знакомый с теми местами, сказал...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Зинаида Гиппиус

Светлое озеро

Дневник

8 июня 1902

Сидели сегодня вечером на балконе, у нас на даче, и мирно разговаривали о предстоящем путешествии «в страну раскольников». Молодой профессор В., отчасти знакомый с теми местами, сказал:

– Поторопитесь. Вот ответ из Н., от моего приятеля, тамошнего протоиерея, отца Леонтия, которому я писал о вашем намерении съездить на Светлояр, к «невидимому граду Китежу». О. Леонтий пишет, что на берегах Светлояра каждый год бывает собрание староверов различных толков в ночь с 22 июня на 23. Всю ночь происходят молебствия и собеседования. Народу собирается тысячи. Ездят и православные миссионеры из Н., а также из окрестных городов. На заре, по старинному преданию, и видят «достойные» таинственный город отраженным в озере, и слышен бывает по воде тихий звон колоколов.

Предание это известно. Но многие думают, что «град Китеж», как Атлантида, скрылся под волнами Святого Озера. Поверье раскольников не таково. Город, с его церквями и соборами, скрылся только от глаз людских, когда подошли к

стенам его полчища татар. Церкви превратились в холмы. И не город, а лишь отражение города, стоящего на берегу, видят «достойные» в тихих водах Светлояра.

Сколько сотен лет собираются к нему верующие в светлую, летнюю ночь! Тихо притекают, сами вряд ли понимая, зачем. Так повелось.

До Светлояра далеко. Надо торопиться, чтобы попасть на собрание, послушать, как люди говорят о вере и как молятся.

15 июня

Едем. В Петербурге было пасмурно, пыльно, холодно и пусто. Петербуржцы разъехались кто куда, больше за границу. Всю Европу можно проехать в Sleeping'e. Как-то мы поедem триста верст в тарантасе по заволжским «лесам»!

17 июня

Весь день пробыли в городе Х. Недурной, тихий город. Осматривали древние церкви. Очень хороша церковь Ильи Пророка. Она только что восстановлена местным городским головою, ожидается освящение. В том же стиле и церковь Иоанна Предтечи, за городом. На стенах, по галереям, фрески – почти все из Апокалипсиса. Очень часто изображение Иоанна с длинными, перистыми крыльями.

У Предтечи нас встретил и давал нам объяснения пожилой священник, с приятным лицом, немногословный и приветливый, о. Иоанн. Вечером мы обедали у гостеприимного,

слишком любезного губернатора, который, между прочим, рассказал нам о замечательной деятельности этого священника. Живет он в пригороде, среди бедноты и рабочего люда, с которым в постоянном общении (у него и школа, и приют). Из среды рабочих же он выбрал несколько женщин, двадцать или двадцать пять, известных и испытанных, и поручил сообщать ему постоянно, где, в какой семье, в чем какая нужда. И он всегда, по словам губернатора, является вовремя – и туда, где умер ребенок, не на что купить гроб, и туда, где пьяный муж бьет жену, за которую никто не смеет заступиться, где болен человек и потерял работу. Его знают, любят и слушают. Доверием его гордятся. Он им – как свой.

Вечером мы уехали на большом пароходе в Н. На обратном пути еще будем в Х. Погода не жаркая. Лесистые, к вечеру лиловые, берега плоской-плоской реки. С обеих сторон мелькают пятикупольные церкви и церковки. Куполики остренькие, луковками, золотые, серебряные, зеленые.

Влажно, мирно, просторно, сонно, скучно – и хорошо.

19 июня

Вот мы и в Н. Приземистый город, суетливый, какой-то распашной, гремучий и орущий, под желтым утренним солнцем. Поехали в гостиницу «Петербург», в нижней части города. Громадные комнаты, купеческие, пышно-грязные.

Не то есть хочется, не то спать. Ложусь спать, пока неутомимый спутник мой отправляется изыскивать средства к пу-

тешествуию, на лошадях в уездный город С, откуда уже можно будет ездить и по раскольниковым скитам, и отправиться на субботнюю ночь в село Владимирское (в версте от Владимирского – Светлое озеро).

Губернатора в городе не было. Его чиновником оказался сын известного заволжского писателя-романиста М., милый, умный, тихий человек, хороший художник. Он хотел ехать с нами, отлично зная «Леса» и «Горы», описанные его отцом. Устроив наше завтрашнее отправление – пришел к нам, и мы долго беседовали о лесных жителях Заволжья и о скитском разорении начала прошлого столетия.

Перед обедом поехали к протоиерею о. Леонтию, тому самому, который написал о. сборище 22 июня. Круто, жарко. Улица – захудалая, булыжная, варварская. То есть она так называется – Варварская.

Домик о. Леонтия – светленький, новенький, весь залитый солнцем. Долго ждали в сенях. Наконец вернулась недоверчивая, босая баба и все еще недоверчиво пустила нас в комнаты. Ух, какое съедающее солнце на деревянных стенах сквозь тюль занавесок и листья фикусов на подоконнике!

Рояль в парусинном чехольчике, над роялью олеография «Дорогой гость», премия «Нивы» за 1883-й или четвертый год. Вышла сначала попадейка, робкая до того, что нельзя было угадать, молода она или нет. Говорила, но руки у нее похолодели.

О. Леонтий пришел в только что выглаженной парусин-

ной рясе. Он оказался довольно молод, необыкновенно высок и несоразмерно тонок, так что даже как бы надламывался. Пышная грива бледно-соломенного цвета. Сам не говорлив, не то застенчив, не то угрюм.

Он не собирался в этот год ехать на собеседование и повел нас к другому священнику-миссионеру, который ездил всегда, отцу Никодиму Лютикову.

О. Никодим жил близко, через две улицы.

Какой бодрый, громогласный, веселый старик, весь седой, с говором на «о», готовый не то что за 120 верст ехать, а на край света идти в своей миссионерской ярости! И очень при всем том добродушен.

Мы застали его в его теплой крошечной квартирке над булочной – за чаем. (Впрочем, мы почти всех почти всегда здесь застаем и видим – за чаем.) Большое дамское... нет, женское общество, но все оно сразу куда-то исчезло, а мы очутились в маленькой гостиной, и чай нам подавали на столе с бархатной скатертью и альбомами.

Говорили о вещах практических. О. Никодим не удивлялся и не интересовался, зачем это мы из самого Петербурга едем на глухое озеро к раскольникам. Едем – и отлично. Он всегда ездит.

– Я с утра завтра в город поеду, с утра. Я к тамошнему священнику въезжаю. Оно с утра, с прохладцей, лучше. И сундук со мной.

– Какой сундук?

– А книги. Без сундучка на Светлое-то озеро нельзя. Довелось мне потом увидеть этот «сундучок»!

О. Никодим с утра – ну, а мы решили ехать после полудня. Где можно остановиться в С. – мы так и не узнали. Поговаривали, что там будто бы есть «въезжий двор». Но так поговаривали, точно его, в сущности-то, не было.

Ну, посмотрим.

20 июня

В пять часов тронулись.

М-ву нельзя было с нами ехать: его как раз назначили при-
сяжным заседателем.

Творец! Вот так колымага! Тарантас на семью. Входит с наскока, так далека подножка. Сиденья нет вовсе, а ровная куча сена, ничем не покрытая. Завалились на сено. Тут же поняли, что сюда кладутся громадные подушки в розовых или красных наволочках. У нас ни подушек, ни наволочек, а заграничные несесерчики с острыми углами, возбуждающие бессильную злобу.

Вот у о. Никодима, наверное, розовые подушки! Ему хо-
рошо.

Переехали Волгу на пароме – в село Бор; громадное, плоское, черноватое село, торговое. Долго ехали по грязным улицам, – то избы темные, то домики хоть куда, в два этажа, с зелеными железными крышами. Ряды, трактиры, чайные... Телеги одна за другой, – ждут парома. Солнце так и печет.

Выехали из села – кругом зеленая, чуть холмистая, голь. И так и пошла эта голь на многие версты. Волга тотчас же скрылась, – мы ехали прямо от нее, на восток. От перевоза до уездного города С. около девяноста верст. Дорога – «почтовый тракт» – сначала была еще сносной, но чем дальше, тем хуже, и наконец превратилась во что-то нами не виданное и не испытанное. Да и для многих, я думаю, она оказалась бы такой.

В нашем «ковчеге» мы подсакивали, отлетая в углы и стучаясь о фордек. Голова начинала болеть до тошноты. В Уткине и Тарасихе меняли лошадей. Почтовые станции маленькие, старые... Сбегаются люди, ребятишки смотреть, как сидим и закусьваем своей провизией (нас предупредили, что надо взять провизию).

Боже мой! Правда ли, что есть где-то железные дороги? А наш «ковчег» – не бричка ли Чичикова? Вот Чичиков, наверно, видал всякие дороги. Он изъездил все – ища мертвых душ. И нашел их порядочно. Найдем ли мы хоть одну живую?

Но все-таки хорошо, хорошо. Быстро темнеет, луговой ветер обвевает лицо, зажигаются чуть заметные голубые звезды. Вот, наконец, и леса. Дорога стала еще хуже. Старая гать, – полусгнившие доски, – и лужи: здесь просыхает редко. Еловый лес, частый-частый, тесный-тесный, вставал черными стенами у широкой дороги. Светляки лежали кое-где у корней. Пахло пронзительной свежестью, весенними елками

– точно яблоками.

По лесу ехали почти все время шагом, а потому к С. подъехали только на заре. Небо уж забелело мертвым светом. Перед городом за несколько верст опять начались голые луга и поля.

Вот и город. Не город – средней руки село, похуже Бора. В мертвой белизне зари он, спящий, казался нам таким страшным, серым, плоским, мертвым.

Едва-едва устроились, измученные, полубессознательные, в каком-то недостроенном доме трактирщика. Недострое-но, – но зато чисто, пахнет деревом. Дали нам две «горницы» во втором этаже. Полусонные слуги из трактира носили диваны. Спать, спать! Или хоть бы лечь!

21 июня

Явился о. Никодим (еще вчера приехал) со здешним иереем соборным, о. Анемподистом. И он отправится на Светлое озеро.

О. Анемподист еще молод, черногрив, прости добр. Охотно рассказывает, но интересуется не столько старообрядцами, сколько другими заблудшими овцами, которых здесь называют «немоляками» Мы слушаем о «немоляках» внимательно, но понимаем пока немного.

О. Никодим, неколебимо бодрый, предложил сегодня же съездить в Чернухинский скит, самый близкий, за пять верст.

– Как, опять ехать? Вчера ехали, завтра поедem, и сегодня?! А дорога?

– А дорога хороша, – утверждает о. Никодим. – Очень хороша дорога! Маленько похуже, чем по какой вчера ехали, а хороша. Мы долгушу возьмем, коли что – так и слезем. Ведь пустяки одни пять-то верст. К вечеру обратно будем, отдохнем еще. А уж завтра на озеро двинемся, с утра по холодку.

Подумали-подумали – взяли долгушу, поехали. Сидим четверо, по паре, пара к паре спинами. Деревянное сиденье, на нем узорчатый половик. Земля близко, слезть, действительно, сейчас же можно, – и мы слезаем, потому что дорога пошла лесом, и даже о. Никодим перестал ее хвалить.

Лесом хорошо идти. Лес – еловый, тесный, душистый. О. Никодим готовит грозное оружие на завтрашних староверов. О. Анемподист робко обдумывает своих «немоляк».

Лес прервался, чуть виден кое-где вдали. Среди зеленых полей что-то вроде крошечной деревушки. Это и есть Чернухинский скит – женский раскольничий монастырь.

Какие странные избы: без окон; по крайней мере, с дороги не видать ни одного окна, а так, стены серые бревенчатые, частоколы. Вот как будто ворота. Стучимся.

Никого.

Ямщик толкнул ворота и вошел. Мы за ним.

Двор. Во дворе ничего и никого. Чисто, травка повсюду. Окна есть, но плотно приперты дощатыми, одностворчатыми ставенками.

Ждем.

Вот стукнуло крытое крыльцо. О. Никодим выдвинулся.

– Здравствуй, мать! Гости петербургские скит хотят поглядеть. Пустишь, что ль? Ты ведь меня знаешь.

Мать Александра всмотрелась.

– И то знаю. Ты знакомый батюшка. Что же, пожалуйста. В сенях лесенка наверх. Пахнет свежестью.

Мы прошли в светлую келью через другую, такую же светлую, где стоит кровать, затянутая чисто и плотно белым полотном с кружевами у пола.

Чистота, доходящая до роскоши. На окнах цветы (фуксии), пол сплошь устлан разноцветными половиками, в стеклянном шкафике блестит посуда, ложечки приткнуты там же к полочкам, висят. Никакой духоты. Окна маленькие, особого устройства: верхнее стекло широкое и низкое, створ на половине. Вероятно, подъемные. В углу громадный киот, под ним, задернутые ситцевой занавесочкой, книги.

Скит, монастырь, – в котором как будто нет ни сестер, ни послушниц, одна настоятельница: так повсюду тихо и пустынно. Мы не только не встретили никого, но даже и следов живого человека не было.

Мать Александра занималась вышиванием лопастей для лестовок – треугольники, которые подвешиваются с обеих сторон к лестовке (раскольничьи четки) – по три с каждой стороны. Шила мать Александра по розовому бархату синелью. Тотчас же стала убирать работу.

– Шьете, матушка?

– Да, понемножку. Вот, уж очки надеваю. Обратилась ко мне.

– А у тебя тоже очки? Вон какие.

– Вы в мои, матушка, ничего не увидите. Взяла мое *pinsepe*¹, посмотрела.

– И впрямь ничего не вижу. Для чего же они?

– А для дали. У меня такие глаза, что вблизи видят, а вдаль нет.

Подумала.

– Гм... Несправедливые, значит, уж такие глаза.

В матери Александре – ни суетливости, ни смущения, – ни приветливости.

– Садись, пожалуйста. Поставить самоварчик?

О. Никодим спокойно и плотно уселся на диван. Мебель в келье была простенькая, чистая, – и старинная, прямо-спинная. Стол с белой скатертью, поверх скатерти белая же клеенка.

– Ставьте, матушка, самоварчик, чайку попьем.

Мать Александра – женщина лет 45, довольно полная, – но не слишком, круглолицая, чернобровая, черты прямые, красивые, серьезные. Но и серьезна она – не слишком; в лице, и в поступи, и во всем – достойная, холодноватая спокойность. На голове круглая бархатная шапочка, из-под которой на плечи, вдоль щек, складками падает черная манатейка.

¹ пенсне (*фр.*).

Черный сарафан, завязанный под мышками, белые рукава.

Тотчас же принесла самовар, вынула из шкафчика посуду, сахар и «землянику» – излюбленное заволжское лакомство, как мы после убедились: шершавые темно-розовые леденцы, подобие ягод, и вкус вроде земляники.

О. Никодим спросил, много ль сестер.

– Да мало, очень мало.

– А все-таки, человек пятнадцать?

– Какое! Сказать – всего шесть сестер. Помещение-то порядочное, а келейки пустуют.

– Что ж так? Не берете?

– Да кого брать? Хорошеньких-то негде взять, ну а... – то этого – прости Христа ради! – (поклонилась) – не хочется.

Мать Александра хотя и поклонилась, произнеся довольно смелое слово, но поклонилась только по христианской привычке покаяться, осуждая; само же слово она произнесла без всякого смущения и не по обмолвке.

– Нынче деревенские-то, – продолжала она, – одень их, да на гулянье пусти, а работать не хотят. Одень, – а потом замуж идут. Нынче в деревне каждая девушка под зонтом, как госпожа, да в калошах, а в избе – страм, да смрад, да есть нечего. И просятя – а не берем. – Не пьете разве внакладку?

Гости отказались от накладки.

Поговорили еще. О. Никодим, желая нам сделать приятное, стал заводить речь о Кормчей, об Антихристе, о том, о сем. Мать Александра говорила толково, но без особого

увлечения. Книги свои, видимо, читала.

Пока мы грешили чаем, – она пила из чашки горячую воду, прикусывая сахар.

– А покажи-ка нам, мать, моленную-то, – сказал, наконец, о. Никодим. – Моленная-то у вас больно хороша.

– Что ж, пожалуйста.

Опять без приветливости и без смущения.

Прошли темноватыми, уже другими, сенями. И здесь была вкусная, свежая душистость. Не то сухими травами, не то новым деревом пахло.

Моленная на ключе. В самом деле – как хороша!

Просторная, высокая горница, – даже точно две вместе, – потому что налево, посередине стены, выступ и белая колонка.

Направо окно. Вся стена против входа занята образами, сплошь. Образа идут и по боковым стенам.

Прямо – как бы аналой, скорее – престол, потому что ниже аналая и квадратный; за ним свеча, желтая, толстая. Образа иконостаса, – темные, большие, – дают ощущение странной близости к ним; вероятно, потому, что повешены низко и что в моленной нет церковного амвона со ступенями. Громадные, черные лики, только белки глаз выступают.

Жемчужные и бисерные ризы красиво тусклы. На престоле парча, а сверху тонкое кисейное покрывало, шитое. Лежат кожаные книги.

Наше внимание занял четырехугольный большой образ на

правой стене. Висит высоко и не в свете – по той же стене окно.

Мать Александра сказала:

– Никола «Ярое око». Этого образа ни в одной обители нет. Подлинно не знаю, а слышала, что он, Никола, в землю ушел, а там его неладно приняли, вот он, батюшка, и разъярился.

Объяснение смутное. Образ очень хорош. Лицо молодое, вполоборота (Николая Чудотворца обыкновенно пишут и писали глубоким стариком) – не грозное, – именно «ярое», белки глаз, обращенных вбок, сверкают в коричневой мгле.

Моленная высока, прохладна; чуть пахнет ладаном, деревом и воском. Кроме входной двери против иконостаса, есть в левом углу еще дверца в боковушку, где, кажется, хранится утварь. Мы побыли в моленной с полчаса. Не хотелось уходить. Отрадны были чистота, свежесть, ароматы, строгое благолепие – в соединении с какой-то «домашностью»; и церковь – и комната, своя, своей заботливостью устроенная; направо от входной двери, у стены против иконостаса – диван с прямой спинкой, обитый темненьким ситцем, обыкновенный; кое-где половички с разноцветными полосками, – как и в келье матери Александры.

Из моленной, по просьбе о. Никодима, прошли, через те же полусветлые, душистые сени, в одну из келий – пустых.

«Сестер» нам мать Александра так и не показала.

– Вот это трапезная наша, а вот стряпущая... Стряпущая

– чистенькая-пречистенькая кухонька, пахнет опять свежестью – и кашей, очень хорошо.

– А вот келейка, пустует у нас.

Мать Александра быстро прошла вперед, в небольшую прохладную горницу и откинула ставень.

– Тут есть икона сошествия во ад «со душек». Два лика. Образ большой, темный, в серебряной ризе. Много фигур, посередине Христос, сходящий в ад «со душею». Давно велись споры, как именно сходил Христос в ад: лежала ли плоть Его во гробе, а сходила одна душа, или же Он сам сходил «со душею»?

Поговорили еще. Проводила нас мать Александра приветливее, чем встретила. О. Никодим совсем разошелся, о. Анемподист, как малознакомый, держал себя в высшей степени скромно и все время молчал.

– Спаси вас Христос. – И мать Александра низко поклонилась. – За посещение благодарю.

Во взаимных приветствиях сошли во дворик и за ворота, где стояла наша долгуша.

Мать Александра проводила нас до ворот и заперлась.

О. Никодим решительно разохотился возить нас и показывать «обители». Да и погода стояла удивительная, ясная, нежаркая, точно весенняя.

– Заедем в Медведевский монастырь, – убеждал о. Никодим. – Все равно по пути. Там мне тоже все знакомы. Единоверческий монастырь, женский. Единоверие увидите.

Согласились.

Монастырь отделен от дороги зеленым лугом, белый, большой, старый, весь как на ладанке. Вошли в ограду.

Зелень кругом, широко, просторно, вечерними цветами пахнет и сеном. На высокой паперти собора – монахиня сидит, с нею маленькие девочки, много, одетые как монашки, в черных платочках. «Сиротки», которых воспитывает монастырь.

Шла служба. Мы вошли на минуту в церковь. Вид обычный, православный, только поют гнусавя, намеренно в нос, однотонно, так же и читают.

Игуменья не оказалось дома. Явилась казначейша, повели нас в игуменские покои, пришла целая толпа монахинь.

О. Никодим и тут как дома. Но у монахинь не было приветливой холодности и достоинства матери Александры: чувствовалась некоторая сладость, почти иудушкина гостеприимная готовность. И комната игуменья – куда обычнее кельи чернухинской настоятельницы: нет роскоши чистоты, не изба – а домик, вид купеческой комнаты, с тюлевыми занавесками, с большими растениями у окон.

Опять сейчас же «самоварчик», но уже с суетливостью, с вареньем; и тут – не то.

О. Никодим спросил, какая у них есть старинная книга «в лицах».

– Петербургские гости интересуются.

Принесли «Житие св. Феодоры» и «Мытарства».

Книга и рисунки действительно очень любопытны. Сделаны от руки в красках. Год не обозначен, определить трудно. Серые, бесцветные грешники, яркие черти, – беспомощная, маленькая душа св. Феодоры.

Монахини любопытны, до разговоров жадны, но говорят все больше пустяки, о своих же пустяковых делах.

Провожали нас толпой за ограду, благодарили и все спрашивали имена, – «за кого Богу молиться».

Спешим, на нашей долгушке, назад, в С, в наш недостроенный домик. Завтра рано выезжать, ночевать будем уже в селе Владимирском, после вечера на Светлом озере.

22 июня

Семь часов утра. Торопливо напились чаю. И, оставив на поечение трактирщика, содержателя нашего «отеля», лишние чемоданы, двинулись на Шалдеж, во Владимирское.

Едем с урядником на козлах, которого предложили нам просто как заботливого дядьку и который сам оказался из «немоляев»; едем уже не в нашем «ковчеге», а в другом тарантасе, полегче, но тоже наполненном сеном.

Заехали за отцами – Никодимом и Анемподистом. Они немножко запоздали, потому что о. Анемподист служил раннюю обедню. Тарантас их готов – и какие там лежат славные, розовые ситцевые подушки! А мы опять на своих глупых пледах, и все сползаем вниз.

О. Анемподист скоро вышел. Запасливый, надел от пыли

и дождя (хотя дождя не предвиделось) кожан, непромокаемый плащ, сшитый в виде рясы. На солнце эта ряса блестела, как шелковая.

Отцы впереди. На козлах у них сидит доброволец-миссионер из крестьян, Малицкий. Он долгое время был агентом товарищества Зингер (швейные машинки), но, разъезжая по уезду, приохотился к миссионерству. И теперь столь усерден и опытен, что, как говорил мне о. Никодим, надеется вскоре быть рукоположенным в священники и получить место в своем же селе. Образования он не получил ни малейшего, даже не кончил уездное училище, но, как уверяют, никаких знаний тут не требуется (!), нужны практика да ревность. Ревности у Малицкого много и практики довольно: он часто ездит с миссионерами по собственному уезду. Будет «батюшка»!

Погода не совсем приятная. День солнечно-мутный, словно пыльный, с начинающимся несвежим ветром. Скорее жарко. Дорога как будто ровнее, но по виду еще безнадежнее, голь, песок, кое-где торчат елочки, скоро они и совсем прекратились. Унылая дорога.

Мост через реку Керженец мы перешли пешком. Странно смотреть, Керженец... а где же знаменитые «керженские леса»? Пусто направо, пусто налево. Только по берегам эта, все-таки красивая, извилистая река с каменистым дном, заросла ивняком, лозами да кустами черемухи.

О. Анемподист шел со мной, придерживая шелестящие

от ветра полы своей непромокаемой рясы, и говорил тихим голосом о том, как трудно и тяжело положение священника, зависящего от прихожан, и трудно особенно в губерниях вроде Н., где много населения староверческого, да и не только староверческого.

– Я в городе живу, да и то тяжелы, неприятны эти сборы. А уж сельского священника взять... не раз, я думаю, слышали, как им это тяжело. У нас же в особенности. Иной, случается, служит – так в церкви одна собственная жена, да причетник. За что сельчанам его кормить? А кормиться надо. Ну и тяжело.

Помолчав, о. Анемподист прибавил:

– С другой же стороны взять – ну, скажем, если б содержание нам настоящее было, что ли, назначено, – опять соображения являются: и так население наше, из неправославных, с недоверием к нам относится, но от беседований, от общения все же не уклоняется. А узнают, что мы свое жалованье получаем, будто чиновники, – это на них, Бог их еще ведает, как отразится. Вопрос трудный.

– А миссионерство у нас – тоже...

Но тут мы подошли к нашим «ковчегам», и разговор остался неоконченным.

Мы перепрягали в Шалдеже и отстали, так как отцы ехали «на сквозных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.